

С. А. МАКСИМОВ (Ижевск)

О КОМИ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract. On the Problem of Komi Loanwords in the Udmurt Language

The work is devoted to the identification of words and other linguistic elements of Komi origin observed in the Udmurt language. The areal distribution, etymological relations, phonetic, morphological and semantic features of the language units are analysed in order to distinguish common Permian features from more recent loans well as from more ancient heritage.

Keywords: Udmurt language, Komi-Zyrian language, Komi-Permyak language, Komi loanwords, substrate loanwords.

Введение

Тема коми заимствований в удмуртском языке не совсем нова, хотя специальных исследований по ней не проводилось, если не учитывать нескольких небольших статей. К таковым относится работа Т. И. Тепляшиной (1979 : 122), в которой рассматриваются ограниченные по распространению лексемы в пермских языках, причину их бытования автор видит в том, что на севере ареала древние удмурты контактировали с коми дольше, чем на юге. В работе Т. И. Тепляшиной «К ареальным исследованиям пермских языков» (1977 : 71–72) описываются ареальные параллели в системе пермской топонимии. Наличие омонимических названий населенных пунктов на территории проживания удмуртов и коми исследователь объясняет длительными контактами северных удмуртов с коми, продолжившимися после отделения коми от основной массы удмуртов. Иного взгляда на удмуртско-коми сепаратные схождения придерживается С. К. Белых (1995 : 3–17; 1998 : 19–21; 2009 : 77–95), который особую близость северных удмуртских диалектов к коми языкам, а южнокоми диалектов к удмуртскому объясняет ранним общепермским языковым континуумом и ареально-генетическими связями прапермских диалектов.

Наши исследования показывают, что ареальные параллели в пермских языках возникли по разным причинам, отчасти как результат вторичных контактов (Максимов 1999 : 16–18; Maksimov 2000). Коми заимствованиям в удмуртском языке посвящена одна из наших статей (Максимов 2001). Выявлено, что определенные лексические еди-

ницы северного наречия удмуртского языка, имеющие параллели в коми языках, можно квалифицировать как субстратные (суперстратные) заимствования: сл. *важ* 'старый' (ср. коми *важ* // удм. + сл. *вуж* то же), нч. *горъяны: атас горъя* 'петух поет' (комиЗ *горавны* 'звучать, гулко раздаваться звуку', *горзыны* 'кричать, орать', *петук горзё* 'петух поет' // удм. + нч. *чоръяны* 'петь (о петухе)'), кс. *сускул'ы* 'шишка (напр. ели)' (кз. *сус коль* 'кедровая шишка' // удм. *кускыли*, диал. + кс. *кыскул'ы* 'шишка (напр. ели)' (Максимов 2001 : 180—182).

Понятие «суперстрат» в отличие от «субстрат» в языкознании используется довольно редко, поэтому необходимо привести его толкование: «от лат. *super* — над и *stratum* — слой, пласт) — совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением» (ЛЭС 499). Исходя из этого, можно вести речь о том, что приведенные коми заимствования, а также большая часть языковых единиц, рассматриваемых в данной статье, являются суперстратными заимствованиями.

Статья представляет собой продолжение исследования комиизмов (заимствований из коми-зырянского и коми-пермяцкого языков) в удмуртском языке. Выявление заимствований из одного коми языка в другой и из коми языков в удмуртский сопряжено с трудностями, поскольку мы имеем дело с близкородственными языками, фонетическая система каждого из которых, можно сказать, идентична. Для отграничения заимствований из общепермского и более древнего наследия мы по возможности тщательно изучаем ареалы, этимологические связи, а также фонетические, морфологические и семантические особенности рассматриваемых языковых единиц.

1. Собственно лексические заимствования

1.1. *бõрысь*: нч. *бõрысь* 'за, позади, вслед за' (Тепляшина 1970 : 184) // комиЗ *бõрысь* 'из-за кого-чего-л., за кем-чем-л.' (ССКЗД 26); комиП зд. *бõрысь* в значении послелого *сьбõрын* 'с' (Баталова 1965 : 16).

Описывая нижнечепецкий диалект, Т. И. Тепляшина отмечает, что «послелог *бõрысь* 'за, позади, вслед за' может не изменяться по лицам, как, скажем, изменяется послелог *сьбõрысь* 'за, из-за': *мумызы бõрысь уллясько* — вместо лит. *мумызы бõрсьы уллясько* 'не отстают (дети) от матери'». Она отмечает, что форма *бõрысь* с аналогичным значением зафиксирована в зюздинском диалекте коми-пермяцкого языка. Предполагается, что употребление *бõрысь* только в указанной форме является результатом контактов северных удмуртов с зюздинскими коми-пермяками (Тепляшина 1970 : 184). Слово *бõрысь* в коми-зырянских диалектах, будучи наречием, не принимает посессивных суффиксов, а как послелог употребляется с ними лишь факультативно (КРК 2000 : 59). В большинстве удмуртских диалектов и литературном языке *бõрысь* является наречием с семантикой 'потом, после; впоследствии' (УРС 2008 : 76). Анализ данных позволяет полагать, что в нижнечепецкий диалект лексема попала из коми языка.

Итак, послелог диал. *бõрысь* 'за, позади, вслед за' от общеудм. *бõрысь* 'потом, после; впоследствии' отличается семантикой, а от

послелога *бӧрсы* — функционированием: может употребляться в первоначальной форме, без изменения конечного аффикса и без possessивных суффиксов. Следовательно, имеет смысл говорить не столько о семантическом, сколько о лексическом заимствовании. Нужно отметить, что способ функционирования лексических единиц едва ли может заимствоваться при эпизодических межареальных контактах (именно так в первую очередь можно охарактеризовать вторичные связи между удмуртами и коми). Полагаем, что исследуемое слово есть субстратное или суперстратное проникновение.

1.2. жагмыны: сч. *жагмънь*, *жагмыны*, *жагмънъ* 'сильно устать, выбиться из сил, обессилеть' (Карпова 2013 : 176) // вс. *жагмыны*, *джагмыны* 'замедляться, замедлиться' (ВСД 170, 175); комиП *жагмыны* 'идти (пойти) потише' (КПРС 139); комиЯ *жаг* 'медленный, медлительный' (КПРС 139; КЯД 113). Изоглосса *жагмыны* ~ *жаг* (*джаг*) распространена в коми-пермяцких диалектах, в соседних отдельных говорах среднечепецкого диалекта удмуртского языка и в верхнесысольском говоре коми-зырянского языка, примыкающем с северо-запада к коми-пермяцкой языковой области. Изоглосса, на наш взгляд, является коми-пермяцкой инновацией, которая попала в некоторые соседние с коми-пермяцким языком коми-зырянские и удмуртские говоры.

1.3. кад: глаз. *кад* 'грязное кочковатое место' (Крылов 16); G *kud*, В *kîd*, МУ *kuud* 'болото' (Wichm. 128) // комиЗ *кад* 'заболоченное озеро, топкий, зыбкий болотистый берег (озера); трясина, топь' (ССКЗД 144). Удмуртские слова из словаря Ю. Вихманна генетически связаны с коми *кад* и, по-видимому, относятся к финно-угорскому пласту лексики (КЭСК 114). Удм. диал. *кад* можно считать коми заимствованием лишь в том случае, если оно не является искаженной бесермянской формой. В словаре В. Д. Крылова бесермянский гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъема *â* вполне может быть передан через *a*.

1.4. комбыльскыны: сч. *комбъл'скънь*, *комбыл'скыны* 'кувыркнуться; катиться (покатиться) кубарем; опрокинуться, перевернуться' (Карпова 2013 : 254); сч. (Донд.) *комбъл'тънь* 'опрокинуть, перевернуть', *ко-мбъл'*: *питр-ко-мбъл'* — изображение кувыркающегося, катящегося кубарем предмета' (соб.) // комиЗ *комбыльтны* 'выгнуть', *сьылі* (*голя*) *комбыльтны* 'выгнуть шею (о лошади)', *комбыля* 'изогнутый, выгнутый (о шее лошади)' (КРС 1961 : 302); лл. *гомбыл'ччыны* 'согнуться, скрючиться' (ЛЛД 140); вс. *гѣмбыл'ччыны* 'нагнуться, наклониться' (ВСД 167); сс. *гѣмбыл'тчыны* 'нагнуться, наклониться' (ССД 88); сс. *гумбыл'тны* 'неуклюже повернуться' (Лыткин 1972 : 119); вв. *комбил'а*, *гомбил'а* 'большой, с горбинкой (о носе)' (ВВД 155); печ. *гумбыл'алны* 'кружить, крутить (напр. лодку на водопаде)', *гумбыл'ѡн* 'вихрем (крутиться)' (ПечД 62).

В КЭСК (с. 132) коми *комбыля*, *комбыльтны* и т. п. считаются прибалтийско-финскими заимствованиями (< **kombil'* 'изогнутый, дугообразный') и сравниваются с фин. *kõmpiä* 'ползать; тащиться; переваливаться', люд. *gombúšt'ši*, вепс. *kombū* 'на четвереньках' и др. В финском этимологическом словаре упомянутые лексемы отнесены к дескриптивным; о коми словах в соответствующей словарной статье речь не идет, но указано, что рус. диал. *комбушки* 'на четвереньках' заимствовано из вепсского языка или людиковского наречия карельского языка

(SKES 214). В других удмуртских диалектах среднечепецким глаголам *комбъл'скънь*, *комбъл'тънь* соответствуют *бекмыльскыны*, *бекмыльтыны*, а в нижнечепецком и отчасти среднечепецком — *конгыл'скыны* (*конгъл'скънь*), *конгыл'тыны* (*конгъл'тънь*).

Изоглосса *комбыль-* известна в большинстве коми-зырянских диалектов и в части среднечепецкого диалекта удмуртского языка. В коми-пермяцких говорах соответствия рассматриваемым словам неизвестны. Последнее обстоятельство заставляет нас склоняться к мнению о прибалтийско-финском происхождении этих слов. Исследуемые диалектные удмуртские слова, функционирующие лишь на ограниченной территории по соседству с ареалом коми диалектов, скорее всего, заимствованы из последних.

1.5. *лѣк* 'слишком, очень, чрезвычайно' нч. // комиЗ *лѣк*; см. 2.2 (*лек*).

1.6. *мыркпум*: глаз. *мыркпум* 'паленига' ('поленика' — С. М.) (Крылов 24); сч. (Тум) *мыртпуманы* 'собирать морошку' (Ельцов 31); сч. (Люм) *мыртпум*, (Озёрки, Тум) *мыркпум* 'морошка' (Карпова 2013 : 334) // комиЗ *мырпом*, *мырпом*, *нырпом* 'морошка' (ССКЗД 231); комиП сев. *мырпѳн* 'морошка; срез пня' (КПРС 261); комиП *мырпом* б-коч. 'морошка', мыс. 'костяника' (Федосеева 2002 : 69). Коми слова, вернее, компонент *мыр-* имеет параллели в других уральских языках (напр., фин. *tuikka* 'морошка') (КЭСК 183; UEW 287). Составители КЭСК считают, что *мырпом* вначале осмысливалось как 'ягоды морошки' (*пом* 'конец, плод', ср. *лежнѳг йыв* 'ягоды шиповника', *лежнѳг* 'шиповник', *йыв* 'конец, плод').

Диалектные удмуртские названия морошки, зафиксированные на северо-западе Удмуртии, вряд ли можно считать продолжением прапермской, тем более прауральской лексемы: 1) если происхождение современных форм коми *мырпом* можно объяснить, то удм. *мыркпум* букв. 'конец ствола дерева с отломленной верхушкой' (*мырк* 'ствол дерева с отломленной верхушкой' + *пум* 'конец'), с точки зрения номинации, звучит абсурдно; приведем названия морошки в БиолКБ (к сожалению, диалектная принадлежность слов не указана): *нюрэмезь* букв. 'болотная малина', *куакаэмезь* букв. 'воронья малина', *куакамилы* букв. 'воронья ягода', *гоноэмезь* букв. 'мохнатая малина') (БиолКБ 100); 2) ареал морошки в Удмуртии ограничен некоторыми северными районами ((БиолКБ 100), заселение которых началось в XVI веке (Чураков 2008 : 9—13). Более вероятно, что исследуемые названия морошки являются проникновением из коми языка, при этом на удмуртской почве компоненты лексемы подверглись фонетической адаптации под влиянием аналогичных диалектных слов удмуртского языка.

1.7. *омбро*: сл. *омбро* 'болиголов' (Архипов 1987 : 90) // комиЗ *ома*, вс. лл. *умра*, лет. *умра гум* 'дудник, дягиль' (ССКЗД 229); комиП *умра* 'дягиль' (КПРС 513). Коми слова сопоставляют с морд. *умбрав* 'щавель', *umrav*, *umbrav*; общепермской праформой считается **omra*, допермской **umbra-* (КЭСК 205). В уральском этимологическом словаре слова возводятся к финно-пермской праформе **om(b)ra* 'вид кислого лугового растения' и предполагается заимствование из иранских языков (UEW 718).

Диалектное удмуртское слово нельзя возводить к общепермской праформе, поскольку в этом случае в первом слоге вместо *о* был бы

у. Слово может быть заимствовано из южных коми-зырянских диалектов до перехода удм. *а непервого слога в о. Переход *о > у в первом слоге в удмуртском языке, по мнению В. К. Кельмакова, мог завершиться в начале XV века, а переход *а > о в непервом слоге можно датировать концом XVI — началом XVII века (Кельмаков 1993 : 16—17, 24—25).

Следует отметить, что в фонетическом и семантическом отношении близкое к исследуемому слову название растения нами зафиксировано в д. Удм. Сурвай (Унинский р-н, Кировская обл.): *онгрогумы* — трубчатое растение с граненым стеблем — (?) 'купырь', (?) 'болиголов' (*гумы* — второй компонент названий растений с полым стеблем). Кроме того, в БиолКБ (34) и в УРС 2008 (495) встречается *онг-ротурын* 'тмин' (*турун* 'трава'). Первый компонент *онгро* (*онгыро*, *онгъро*) 'глупый, непонятливый, несообразительный', а также производное *онгыраны* 'закружиться (о голове), лишиться сознания', *онгромыны* 'терять сознание', по мнению И. В. Тараканова (1993 : 104), восходят к тат. *аңгыра* 'глупый, бестолковый, тупой'. О связи с исследуемым словом говорить преждевременно, хотя исключать ее полностью нельзя.

1.8. чир: сч. *чир* 'мелкая частица, крупинка' (соб.). Употребляется лишь в некоторых выражениях, например: *тан' опэт' вича-ксь кошко-зь н'и пинал'л'ос* — *чирэз но, жагэз но уз н'и къл'* 'Вот опять все дети уедут — никого не останется (букв. ни крупинки (крошки), ни соринки не останется)'; э, *Вал'эр, бэрад чирэд но, жагэд но өз къл'ъ* 'Эх, Валера, за тобой никого не осталось (т. е. потомства, детей)' (Карпова 2013 : 521). Аналогичные слова есть в коми языках: комиЗ *чир* 'мельчайшая частица, крупинка, крупинка, кроха, крошка, зернышко чего-л.' (ССКЗД 412); комиП *чир* 'мельчайшая частица чего-л., крупинка, крупинка' (КПРС 537); комиЯ *ч'эр* 'труха' (КЯД 196). Приведенные коми слова Е. С. Гуляев сопоставляет с удм. *чыры* 'мелочь', *чыры-пыры* то же и возводит к общеперм. **čir-* 'мелочь, частица'; он приводит сравнения из финно-угорских языков (КЭСК 306—307). В уральском этимологическом словаре указанные пермские слова с другими финно-пермскими соответствиями сравниваются под вопросом (UEW 615).

Отметим, что *чърь:* *чърь-пърь* (*чърь-пърь*) 'мелочь', закономерное соответствие коми *чир*, бытует и в среднечепецком диалекте. Отсюда вывод: лексема *чир*, известная на ограниченной территории в северной части зоны проживания удмуртов, является коми заимствованием.

2. Семантические заимствования

2.1. бõрысь: нч. *бõрысь* 'за, позади, вслед за', см. 1.1. *бõрысь*.

2.2. лек 'сильный, крепкий; проворный, быстрый': сч. *л'эк* 'сильный, крепкий; сильно, крепко; проворный, быстрый; проворно, быстро; злой; очень', *л'экос* 'слишком, больно (разг.)' (соб.); бес. *л'ек* 'сильный; бурный; крепкий; сердитый; очень', *л'екос* 'очень, слишком' (ЯзБ 128, 178); нч. *лек*, *лѣк* 'слишком, очень, чрезвычайно' (Тепляшина 1970 : 170); кс. *л'экос*, *л'окос* то же, *л'окос зэч* 'очень (слишком) хорошо' (ДЭ 1977); *лэкъ* (*л'ек* — С. М.) 'свирепый; свирепо', *лэкъ зор* 'сильный дождь' (1785) (Кротов 127); G M J MU *л'ек*, G S MU U *л'ег* 'злой, сердитый,

гневный; (G) быстрый (о лошади); ущерб, порча; несчастье, беда' (Wichm. 150).

КомиЗ вс. иж. печ. уд. *лек* 'сила', иж. *лека* 'сильный, крепкий'; лл. *лѣк* 'здоровый, крепкий, проворный', вв. вс. вым. нв. печ. скр. сс. *лѣк* 'сердитый, злой; зло, злоба, злость; плохой, худой, дурной, скверный, нехороший, негодный; плохо, нехорошо' (ССКЗД 196—197); комиП *лѣк* 'злой, злобный; сердитый; плохой, дурной; скверный; тяжелый, трудный' (КПРС 222); комиЯ *л'ок* 'злой, сердитый', *л'о́ка* (*бурá, бидá*) 'очень, весьма' (КЯД 144).

Коми *лѣк* 'плохой, дурной, худой; злой, сердитый', *лѣка* 'плохо, худо; довольно, порядочно, весьма' и удм. *лек* 'сердитый, злой', сев. *лекос* 'очень, слишком' В. И. Лыткин возводит к общеперм. **l'zk-* 'злой, сердитый'; он приводит параллели из марийского (*лын* 'много, порядочно') и венгерского (*leg-* — приставка превосходной степени прилагательного, первоначальное значение 'сильный, крепкий') языков (КЭСК 159), коми *лек* он не упоминает. В UEW (258) сравниваются (под вопросом) только указанные марийские и венгерские лексемы, пермские слова не приводятся.

Изосема *лек* (*лѣк*) 'сильный, крепкий; проворный', помимо северной диалектной зоны удмуртского языка, распространена в соседних верхнесысольском и лузско-летском говорах коми-зырянского языка; отдельную зону образует северная группа коми-зырянских говоров. Считаем, что фонетические разновидности *л'эк* и *л'ок* имеют общее происхождение, причем семантика общепермской праформы была 'зло; злой', а значения 'сила; сильный, крепкий' развились позднее. В коми-зырянских диалектах сделана попытка фонетической дифференциации значений лексемы: *лек* 'сила; сильный, крепкий' и *лѣк* 'зло; злой, сердитый; плохой'. Значения 'сильный, крепкий; проворный' в севернoudмуртском наречии могли возникнуть под влиянием коми языка. Сема 'очень, слишком', распространенная в основном в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми-язьвинском наречии, скорее всего, развивалась самостоятельно.

Обратим внимание на нч *л'ок* и производное *л'окос*, которые употребляются в говоре параллельно с общеудм. *л'эк* и его производным *л'экос*, широко известным в северной диалектной зоне. Оба варианта в указанном диалекте имеют тождественные значения. Употребление в одном диалекте разных фонетических вариантов одного слова при тождественном их значении говорит об относительно недавнем происхождении одного из них. В связи с этим предполагаем, что модификация *л'ок* имеет суперстратное коми происхождение.

2.3. *ныроски* 'часть крепления лыж, в которую вдевается нога': сч. (Донд.) *ныроски* 'намордник (напр. для телят); часть крепления лыж, в которую вдевается нога' (соб.). Соответствующее слово в других удмуртских диалектах: М J *nȳros*, U *nȳros* 'намордник' (Wichm. 170); бт. *nȳros* 'носки; приспособление в виде уздечки к сосунку-теленку, чтобы он не сосал корову' (Нас. 145); *нырос* 'намордник, рогатка (напр. для телят); носок (напр. чулка); носки' (УРС 1983 : 307). Семантические параллели диалектного удмуртского слова мы находим в коми диалектах: зд. кб. *нырӧс* '(зд.) веревочка для привязывания ноги к лыже; (кб.) место в лыжах, куда вдевается нога' (Лыткин 1974 : 251); *нырӧс*

зафиксировано и в удорском диалекте, там как 'намордник (для теленка)' (ССКЗД 422). Это значение, как было указано, присуще и общеудм. *нырос* (*ныроски*). В других коми диалектах для понятия 'намордник' употребляются лексемы: комиЗ *чуш*, иж. комиП *нырдом* (ССКЗД 42; КПРС 280).

Удм. *нырос(ки)* и коми *нырӧс* — это производные от *ныр* 'нос', которое относят к древнему уральскому пласту исконной лексики (UEW 303), а коми *чуш*, распространенное в коми-зырянских диалектах, вероятно, переосмысление *чуш* 'колючий'. Последнее считается общепермским (КЭСК 314). Из двух лексем для обозначения намордника более старым и претендующим на былую общепермскую распространенность является, скорее всего, *нырос* ~ *нырӧс*, на что указывает употребление его в одном из самых архаичных коми диалектов — удорском. Значение названных слов 'часть крепления лыж, в которую вдевается нога' распространено на компактной территории некоторых говоров среднечепецкого диалекта удмуртского языка, зюздинского диалекта и кобринского говора (один из южных говоров верхнесысольского диалекта). По-видимому, ареал сформировался в результате семантического новообразования в речи верхнекамских (зюздинских) пермяков, откуда оно могло проникнуть в соседние говоры верхнесысольских коми-зырян и северных удмуртов.

3. Заимствование морфологического элемента

-тор: сл. (Сизёво) *кудйзтор* 'некоторые' (Тепляшина 1970 : 179); сл. *кудызтор* то же (Архипов 1990 : 12). Зафиксировано только в одном населенном пункте на территории распространения слободского говора северного наречия удмуртского языка. Первая часть *кудйз* 'который' — общеудмуртское вопросительно-относительное местоимение. Вторая, суффиксальный элемент *-тор*, по мнению Т. И. Тепляшиной (1970а : 179), заимствована слободскими удмуртами при контактах с коми-зырянами, проживающими в бассейне р. Летка. Данный суффикс считает коми заимствованием и Г. А. Архипов (1990 : 12).

Коми источник элемента *-тор* у нас не вызывает сомнений. Как самостоятельная лексема, *тор* 'часть, кусок, отрезок, лоскуток, обломок' в коми языках имеет повсеместное распространение. Кроме того, *-тор* в этих языках функционирует как 1) словообразовательный суффикс, который образует существительные со значением овеществленного качества от прилагательных: комиЗ *чӧскыдтор* 'нечто вкусное', *буртор* 'нечто хорошее, доброе', *небыдтор* 'нечто мягкое'; 2) формообразующий суффикс *-тор* придает существительным уменьшительное значение: комиЗ *керкатор* 'домик', *йӧвтор* 'молочко' (Кривощекова-Гантман 1967 : 116—117). Следует уточнить условие, при котором данный элемент проник в удмуртский язык.

В удмуртском языке он известен только в одном слове, присоединенном к *кудйз*. В данном фонетическом обрамлении в коми-зырянских диалектах оно не употребляется. Неизвестно нам и коми-зырянское местоимение типа **кодтор*, которое могло бы стать источником диал. удм. *кудйзтор*. Чтобы иноязычный суффикс присоединился к исконному слову, необходима его минимальная продуктивность в за-

имствующем языке, о чем в данном случае не может быть и речи. Поэтому мы предполагаем суперстратное происхождение компонента.

4. Фонетические параллели

ченари: глаз. *ченари* 'паук' (Лыткин, Тепляшина 1959 : 224); нч. *ченали* то же (Тепляшина 1970 : 166); сл. *чэнал'и*, *зэнал'и* то же (Архипов 1990 : 10); кс. *ч'эн'ари* то же (ДЭ 1977); сч. *чэнари*, вч. *чонари* (Стар. Гыя) то же (соб.); G *t'senari*, S J MU *t'sonari*, U *t'sonari*, M *t'sunari* то же (Wichm. 287); бес. *č̣ənari* то же (ЯзБ 67) // комиЗ *черань* то же (ССКЗД 408); комиП *черáнь* 'паук, мизгирь' (КПРС 532); комиЯ *ч'эран'* 'паук' (КЯД 194).

Е. С. Гуляев возводит коми *черань* и удм. *чонари* к общеперм **čeran* или **čenar* (КЭСК 303). В нижнечепецком и среднечепецком диалектах, территориально близких к коми диалектам, в корне рассматриваемых слов выступает гласный э вместо о (или у) большинства других удмуртских диалектов. Аналогичный э мы видим в *чэран'* во всех коми диалектах. Изоглосса *ченари* (*ченали*) ~ *чэрань* образует компактный ареал, противопоставленный большинству удмуртских диалектов. Можно предположить, что удм. *чэнари*, *ч'эн'ари*, *чэнал'и* – это результат контактов с коми диалектами. Однако в удмуртских словах гласный первого слога мог измениться в ходе самостоятельного развития под воздействием начального палатального ч: **č > э*, что могло стать причиной междиалектной корреспонденции э // о, которая, по мнению В. К. Кельмакова, является частным звеном корреспонденции гласных *ö (ö°) // э // о* в удмуртском языке. Источник данного явления ученый видит в многообразии рефлексии праудм. **o* в разных диалектах (*> ö, ö°, э, о*) (Кельмаков 1998 : 70–71).

В нижнечепецком диалекте известно *чэрыг*, гласный первого слога которого вступает в аналогичную корреспонденцию: нч. срв. *чэрыг* // коми *чэри* // удм. диал. *чорыг* 'рыба'. Пояснение: средневосточный диалект, в котором тоже известна форма *чэрыг*, значительно отдален от нижнечепецкого диалекта, что говорит о параллельном развитии формы в этих диалектах. Но даже отдавая предпочтение изложенной версии, нельзя исключить влияние коми слова на качество гласного первого слога в лексемах ниже- и среднечепецкого диалектов. В любом случае необходимы дополнительные изыскания.

В отношении нижнечепецких модификаций *чэнал'и*, *зэнал'и* нужно отметить, что замена *p* на *л'* и *ч* на *з* в них могла произойти под влиянием *зэнали* 'водяной паук (жук)'.

Предварительные выводы

Причины территориально ограниченных удмуртско-коми параллелей различны. Одной из них могут быть ареально-генетические связи прапермских диалектов, т. е. контакты между прасеверноудмуртскими и праюжнокоми диалектами в составе прапермского языка-основы. Изоглоссы показывают, что многие из них образовались в результате поздних заимствований из одного языка в другой.

Анализ коми заимствований в удмуртском языке свидетельствует, что в большинстве случаев проникновение произошло вопреки нали-

чию аналогичных лексем в заимствующих диалектах. Так, в среднечепецком до появления комиизма *жагмыны* (*жагмънь*) 'сильно устать, выбиться из сил, обессилеть' функционировал глагол *жуммыны* (*жуммънь*), общеудмуртское слово с тем же значением. Можно привести коми заимствование *лѣк* 'слишком, очень, чрезвычайно' в нижнечепецком диалекте, которое функционирует параллельно с общеудм. *лек*.

При описании морфемного элемента *-тор* в *кудйзтор* выяснилось, что заимствование компонента возможно лишь при особых условиях, каковы же они? Письменные источники свидетельствуют о переселении части населения Лузской Пермцы в XVII веке на Вятку, Верхкамье и даже в Казань по причине малоземелья и неурожаев (Жеребцов 1982 : 70, 99). Не исключено, что определенные группы коми могли мигрировать в районы проживания слободских удмуртов и некоторое время быть двуязычными (коми-удмуртское двуязычие). В этих условиях могло возникнуть гибридное слово *кудйзтор*, а также появилась возможность для проникновения лексико-семантических единиц из коми языков. Сами же носители коми языка/языков впоследствии полностью смешались с местным удмуртским населением. Большинство заимствований и некоторых семантических параллелей, по нашему мнению, имеют суперстратное происхождение. Кроме упомянутых *жагмыны*, *лѣк* и морфемного элемента *-тор*: *кудйзтор*, а также лексем *важ* 'старый', *горьяны*: *атас горья* 'петух поет', *сускул'ы* 'шишка, напр. ели', к суперстратным заимствованиям можно отнести диал. *бѣрысь* 'за, позади, вслед за' (в отличие от общеудм. *бѣрысь* 'потом, после; впоследствии'), *комбыл'скыны* 'кувыркнуться; катиться (покатиться) кубарем; опрокинуться, перевернуться' и *чир* 'мелкая частица, крупинка'.

Автор не склонен считать источником всех удмуртско-коми ареальных параллелей лишь заимствования из коми языков. На примере фонетического сближения диалектных *чэнари*, *ч'эн'ари*, *чэнал'и* 'паук' с коми *черань* понятно, что решение может быть неоднозначным. И если, к примеру, коми происхождение удмуртской лексемы (варианта) *лѣк* 'слишком, очень, чрезвычайно' не вызывает сомнений, то на вопрос: не может ли быть коми слово *лек* 'сила' удмуртским заимствованием? пока нет ответа.

Причины возникновения ареальных параллелей в пермских языках ждут дальнейших исследований.

Address

Sergey Maksimov

The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

E-mail: makser02@yahoo.com

Сокращения

Архипов 1990 — Г. А. Архипов, Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка. — Вопросы диалектологии и лексикологии. Сборник статей, Ижевск 1990, 3–13; Баталова 1965 — Р. М. Баталова,

О некоторых особенностях зюздинского диалекта коми-пермяцкого языка. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений, Сыктывкар 1965, 13—16; **БиолКБ** — С. В. Соколов, В. В. Туганаяв, Биологической нимкылгёсын кылбугор. Словарь биологических терминов, Ижевск 1994; **ВВД** — В. А. Сорвачёва, М. И. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Москва 1975; **ДЭ 1977** — Материалы диалектологической экспедиции Удмуртского государственного университета, Унинский район; **Ельцов** — А. Ельцов, Тум. Сонет тугоко. — Кенеш 2000, № 4; **Карпова 2013** — Л. Л. Карпова, Лексика северного наречия удмуртского языка. Среднечепецкий диалект, Ижевск 2013; **КПРС** — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КРК 2000** — Комироч кывчукор. Коми-русский словарь, Сыктывкар 2000; **Кротов** — З. Кротов, Удмуртско-русский словарь, Ижевск 1995; **КРС** — Коми-русский словарь, Москва 1961; **Крылов** — Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым, Вятка 1919; **КЯД** — В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961; **ЛЛД** — Т. И. Жилина, Лузско-летский диалект коми языка, Москва 1985; **Лыткин 1972** — В. И. Лыткин, Материалы по коми диалектологическому словарю. — Коми филология, Сыктывкар 1972, 110—120; **Лыткин 1974** — В. И. Лыткин, Диалектные коми слова. — *ALHung*, XXIV, 249—254; **Лыткин, Тепляшина 1959** — В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина, Некоторые особенности глазовского диалекта. — *ЗУдмНИИ*, вып. 19, 218—227; **ЛЭС** — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990; **Нас.** — Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ч. II. Приложения, Москва 1972; **ПечД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова, Печорский диалект коми языка, Москва 1976; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесыольский диалект коми языка, Сыктывкар 1966; **Тепляшина 1970** — Т. И. Тепляшина, Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — *ЗУдмНИИ*, вып. 21, 156—196; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 1983; **УРС 2008** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **Федосеева 2002** — Е. Н. Федосеева, Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 2002; **ЯзБ** — Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970; **Wichm.** — *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen Helsinki 1987 (LSFU XXI).*

Диалекты: **бес.** — бесермянское наречие (удм.); **б-коч.** — большекочёвский говор (комиП); **бт.** — буйско-танышский говор (удм.); **вв.** — верхневычегодский диалект (комиЗ); **вс.** — верхнесыольский диалект (комиЗ); **вч.** — верхнечепецкий диалект (удм.); **вым.** — вымский диалект (комиЗ); **глаз.** — глазовский говор (удм.); **зд.** — зюздинский диалект (комиП); **иж.** — ижемский диалект (комиЗ); **кб.** — кобринский говор (комиЗ); **кс.** — косинский говор (удм.); **лет.** — летский говор (комиЗ); **лл.** — лузско-летский диалект (комиЗ); **люд.** — людиковское наречие карельского языка; **мыс.** — мысовский говор (комиП); **нв.** — нижневычегодский диалект (комиЗ); **нч.** — нижнечепецкий диалект (удм.); **печ.** — печёрский диалект (комиЗ); **сев.** — северное (наречие); **скр.** — при-сыктывкарский диалект (комиЗ); **сл.** — слободской говор (удм.); **срв.** — средневосточный диалект (удм.); **сс.** — среднесыольский диалект (комиЗ); **сч.** — среднечепецкий диалект (удм.); **уд.** — удорский диалект (комиЗ).

Названия удмуртских диалектов в трудах Ю. Вихманна: **В** — бесермянский, **Г** — глазовский, **Ж** — елабужский, **М** — малмыжский, **МУ** — малмыжско-уржумский, **С** — сарапульский, **У** — уфимский.

Прочие сокращения: **Донд.** — Дондыкар (название деревни); **лит.** — литературный язык; **соб.** — собственные наблюдения.

ЛИТЕРАТУРА

- Белых С. 1995, Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках. — Финно-угроведение, № 2, 3—17.
- Белых С. К. 1998, Пермские истоки этногенеза удмуртского народа. Проблема распада прапермской общности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск.
- 2009, Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Монография, Ижевск.
- Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в., Москва.
- Кельмаков В. К. 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Препринт, Ижевск.
- 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1967, О грамматизации самостоятельных слов. На материале пермских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV, Ижевск, 114—122.
- Максимов С. А. 1999, Севернудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск.
- 2001, К вопросу о лексических коми заимствованиях в диалектах удмуртского языка. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сборник статей, Сыктывкар (Пермистика 8), 179—183.
- Тараканов И. В. 1993, Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи, Ижевск.
- Тепляшина Т. И. 1977, К ареальным явлениям пермских языков. — Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР. Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов, Ужгород, 71—72.
- 1979, Лексические коми-удмуртские соприкосновения. — Вопросы финно-угроведения. Тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Т. I. Языкознание, Сыктывкар, 122.
- Чураков В. С. 2008, К проблеме расселения пермских народов в конце I — первой половине II тыс. н. э. — Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. Научно-практический журнал, № 1 (3), 4—20.
- Maximov, S. 2000, Permäläiskelten areaalisia leksikaalisia yhtäläisyyksiä. — *Studia ad Geografiam Linguarum Pertinetia*, Tallinn (Eesti Keele Instituudi toimetused 6), 50— 69.